

Научная статья

Original article

УДК 33

doi: 10.55186/2413046X_2022_7_8_480

**НОВЫЕ РЕЖИМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И МИГРАЦИИ ТРУДОВЫХ
РЕСУРСОВ**
**NEW MODES OF REPRODUCTION AND MIGRATION OF LABOR
RESOURCES**

Гневашева Вера Анатольевна, д.э.н., доцент, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия, г. Москва, ORCID: 0000-0002-3596-661X, vera_cos@rambler.ru

Gnevasheva Vera Anatolyevna, Doctor of Economics, Associate Professor, Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, ORCID: 0000-0002-3596-661X, vera_cos@rambler.ru

Аннотация. В современных условиях мировой рынок труда, равно как и национальный сталкивается с новыми вызовами. В этой связи формируется ряд новых трендов формирования, распределения и использования трудовых ресурсов, выявляются новые социально-экономические явления функционирования рынка труда, формирования взаимодействия между субъектами рынка. В статье раскрываются новые тренды формирования трудовых ресурсов как на мировом, так и национальном рынке труда. Определяется, что для современного мирового рынка труда в условиях постковидных и геополитических преобразований сформировался ряд выраженных новых тенденций воспроизводства трудовых ресурсов, а именно: усиление гендерного разрыва занятости, акцент на трудосберегающие преобразования в хозяйственной деятельности, усиление и трансформация

процессов дуальности рынка труда, а также форм трудового неравенства, преобразование и специфическая роль временной занятости, формирование и развитие цифровых платформ занятости, развитие кластерных «провалов» рынка, возрастающая роль циркуляционной и возвратной трудовой миграции. В исследовании представлено методологическое и эконометрическое описание ряда выявленных тенденций, приводятся рекомендации возможного построения политики управления рынком труда в ближайшей перспективе.

Abstract. In modern conditions, the global labor market, as well as the national one, is facing new challenges. In this regard, a number of new trends in the formation, distribution and use of labor resources are being formed, new socio-economic phenomena of the functioning of the labor market, the formation of interaction between market entities are being identified. The article reveals new trends in the formation of labor resources both in the global and national labor market. It is determined that for the modern world labor market in the conditions of post-crisis and geopolitical transformations, a number of pronounced new trends in the reproduction of labor resources have been formed, namely: the strengthening of the gender employment gap, the emphasis on labor-saving transformations in economic activity, the strengthening and transformation of the processes of duality of the labor market, as well as forms of labor inequality, transformation and the specific role of temporary employment, formation and development of digital employment platforms, development of cluster "failures" of the market, the increasing role of circular and return labor migration. The study presents a methodological and econometric description of a number of identified trends, provides recommendations for the possible construction of a labor market management policy in the near future.

Ключевые слова: воспроизводство трудовых ресурсов, рынок труда, цифровые платформы занятости, женский сегмент рынка труда, временная занятость, дуальность рынка, кластерные «провалы» рынка, циркуляционная миграция

Keywords: reproduction of labor resources, labor market, digital employment platforms, female segment of the labor market, temporary employment, duality of the market, cluster "failures" of the market, circulation migration

Экономические и социальные потери как в России, так и в мире от внешних вызовов последних лет. Из-за вынужденного простоя предприятий и организаций в период карантина, нарушения хозяйственных связей, банкротства многих малых и средних предприятий произошло падение производства. Падение производства привело к сокращению занятости и росту безработицы. Ухудшаются показатели воспроизводства населения, состояние его здоровья, растёт смертность, снижается качество трудового потенциала.

Вопросы трансформации рынка труда в изменившихся социально-экономических условиях в период распространения новых социально-экономических вызовов, возрастающего действия отрицательных экстерналий последних лет рассматриваются в работах Аганбегяна А.Г., Порфильева Б.Н. [1], Бондаренко Н.А. [2], Бузгалина А.В., Колганова А.И. [3], Вишневецкой Н.Т., Зудиной А.А. [4], Китрар Л.Л., Липкинд Т.М. [5], Рязанцева С.В. [7], Четверикова В.М. [8].

Мировой рынок труда. Современные социально-экономические тенденции развития мирового рынка труда отличаются существенной волатильностью, что, несомненно, оказывает производный характер на трансформацию региональных и национальных рынков труда, формируя в том числе и новые тенденции в части процесса воспроизводства трудовых ресурсов.

В новых экономических условиях, по прогнозам Международной организации труда (МОТ), по итогам 2022 года сохранится дефицит рабочей силы, соответствующий 52 миллионам рабочих мест с полной занятостью, что сопряжено с кризисом глобального сбоя на мировом рынке труда.

Несмотря на то, что ситуация улучшается в сравнении с 2021 годом, когда объем занятости составил 125 миллионов рабочих мест (при условии 48-часовой рабочей недели), положение остается крайне нестабильным, а уровень безработицы все же оценивается высокими показателями. В условиях усиления глобальной нестабильности, вряд ли стоит в ближайшие годы ожидать существенного сглаживания процессов на мировом рынке труда.

В 2022 году доля занятых в общем объеме экономически активного населения прогнозируется на уровне 55,9%, что на 1,4 процентных пункта ниже уровня 2019 года.

Многие из тех, кто ушел с рынка труда, не возвращаются, снижая тем самым общий объем экономически активного населения, поэтому уровень безработицы по-прежнему недооценивается, как и влияние современных процессов на кризисное снижение общей занятости. В этой связи и доля занятых в общем объеме экономически активного населения, упав почти на 2 процентных пункта в период с 2019 по 2020 год, прогнозируется к восстановлению лишь частично.

Глобальный уровень безработицы, по прогнозам, останется выше уровня 2019 года как минимум до 2023 года. Прогнозируется сокращение числа безработных на 7 миллионов в 2022 году до 207 миллионов; в сравнении, с показателем 2019 года, который составлял 186 миллионов человек.

Отмечается, что восстановление рынка труда происходит быстрее всего в странах с высоким уровнем дохода. На их долю приходится около половины глобального снижения безработицы в период 2020 - 2022 гг., вместе с тем занятая там рабочая сила составляет лишь около одной пятой обще мирового показателя. Напротив, страны с доходами на начало пандемии ниже среднего оказались в наихудшем положении, и демонстрируют сейчас крайне медленные темпы восстановления рынка труда.

Восстановление неравномерно и внутри стран. Непропорционально влияние пандемии на гендерную занятость, в частности занятость женщин. Прогнозируется существенное сокращение доли занятых женщин и **усиление гендерного разрыва занятости.**

Подобное неравенство наиболее заметно в странах с доходом выше среднего, где прогнозируется соотношение занятости женщин к численности экономически активного населения в 2022 году на 1,8 процентных пункта ниже уровня 2019 года, по сравнению с изменением в 1,6 процентных пункта для мужчин, несмотря на то, что уровень занятости женщин итак ниже на 16 процентных пунктов, чем у мужчин.

Закрытие школ, колледжей и учебных заведений на длительный период во многих странах ослабило качество подготовки рабочей силы, что будет иметь цепные долгосрочные последствия для трудоустройства и возможностей профессионального роста, что особенно значимо для процессов развития молодежного сегмента рынка труда, а также для дальнейшего процесса формирования рабочей силы и профессиональной подготовки молодых людей¹.

Пандемия и последующие геополитические шоки сыграли важную роль в стимулировании экономических изменений, которые могут стать структурными, с долгосрочными негативными последствиями для рынка труда.

Объединение разных макроэкономических тенденций создало неопределенность относительно того, будет ли падение количества рабочих мест, занятости и участия рабочей силы носить временный характер, или следствия пандемии и геополитические явления последних лет будут способствовать значимой структурной трансформации рынка труда, поиску путей **трудоберегающих преобразований.**

¹ World Employment and Social Outlook | Trends 2022.

URL://https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_834081.pdf

Пандемия в комплексе с геополитическими изменениями усугубили различные **формы трудового неравенства**, от гендерной сегрегации к усилению цифрового разрыва в процессе формирования рабочей силы.

Изменения в составе трудовых отношений, такие как зависимость от неформальной самозанятости для сохранения необходимого заработка, рост удаленных форм занятости, а также различные тенденции в отношении временных работ – все это лишь усиливает риски ухудшения качества условий труда.

До начала пандемии **временная занятость** как доля от общей занятости увеличивалась, хотя и неравномерно по секторам и странам. Временная занятость в значительной степени носила структурный характер и определялась отраслевой структурой и профессиональным составом рынка труда; однако во время кризисов и как их следствие она склонна служить катализатором негативных социально-экономических тенденций, работодатели сокращают расходы и прекращают найм временных работников.

В долгосрочной перспективе временная занятость может негативно сказаться на производственной цепочке организаций. Вместе с тем в краткосрочном периоде временная занятость позволяет сохранять рабочие места и не прерывать цепочки профессиональной подготовки рабочей силы, хотя условия временной занятости как правило хуже, зачастую характеризуются трудовой незащищенностью, нестабильностью дохода, ограниченным доступом к инструментам социальной защиты.

Показатели временной занятости выше в странах с низким и средним уровнем дохода (чуть более одной трети от общей занятости), чем в странах с высоким уровнем дохода (15%). Однако экономическая составляющая временной занятости варьируется между развитыми и развивающимися странами.

Несмотря на то, что временная занятость как правило популярна на этапе начала трудовой деятельности, так как позволяет выбрать сферу

занятости, поучаствовать в занятости на разных рабочих местах, она представляет собой гибкую форму трудоустройства и мотивирует к выбору постоянного места занятости более осознанно, все же временная занятость не предлагает для работника соответствующих гарантий занятости, регулярного дохода, не всегда соответствует квалификационным требованиям, зачастую ограничена в отношении доступа к мерам социальной защиты.

Для рабочих в развивающихся странах, напротив, временная занятость зачастую представлена как раз формами неформальной занятости и характеризуется максимальной отдаленностью от норм системы социальной защиты и трудовых гарантий работников.

Несмотря на то, что именно временные работники как правило потеряли работу в начале пандемии, все же отмечается существенный прирост именно рабочих мест временной занятости как краткосрочное направление выхода из кризиса на современном этапе развития рынка труда.

Чистый экономический эффект подобных тенденций обусловлен относительным сохранением занятости именно на временных рабочих местах в сравнении с прочими формами занятости и как следствие частичной стабилизацией рынка труда в целом: сохранение занятости и снижение безработицы, сглаживание структурных диспропорций между формальным и неформальным секторами.

Начало пандемии как правило характеризовалось формированием **дуальности рынка труда**, а неформальная занятость перестала играть свою традиционную контрциклическую роль, поглощая исключительно уволенных работников из формального сектора.

Технологические инновации постепенно трансформируют все сферы жизнедеятельности. Способность к быстрому обмену большими объемами данных и информации заложила основы для роста цифровой экономики и **цифровых платформ занятости**.

Организации как развитых, так и развивающихся стран включились в подобные преобразования, поскольку данная тенденция ведет к

существенному удешевлению товаров и услуг, к упрощению логистики. Цифровые трудовые платформы теперь являются частью нашей повседневной жизни. Данная технологическая трансформация все активнее распространяется на сферу труда. Платформы цифровой занятости труда предлагают и новые рынки, и больше возможностей для получения дохода для работников, и привлечение все большего количества людей в состав экономически активных, включая тех, кто ранее находился вне рынка труда.

Широко распространено мнение, что именно пандемия COVID-19 ускорила подобные цифровые инновации, которые до этого уже развивались и в обществе, и в сфере занятости, к ним относятся и облачные вычисления и использование больших данных и алгоритмов.

Результатом стали инновационные методы работы и гибкость как для работников, так и для предприятий.

Условия удаленной работы, принятые многими компаниями за последний год, привели к стремительному росту электронной коммерции, электронных услуг и удаленным формам занятости в сети Интернет.

Для многих, кто потерял работу, как в развивающихся, так и в развитых странах, цифровые платформы занятости стали возможностью продолжить работу, получать трудовой доход.

Многие предприятия и вовсе перешли на цифровые платформы занятости, чтобы иметь возможность продолжать свою деятельность. Для многих это было возможностью выхода на новые рынки, возможностью существенного сокращения затрат.

Однако подобное технологическое развитие как сферы занятости, так и хозяйственной деятельности приводит к возможности производственной организации без необходимости инвестировать в основные средства производства или физический найм сотрудников.

Работники цифровых платформ занятости столкнулись с проблемой найти хорошо оплачиваемую работу, получить достойный уровень трудового дохода, что усилило угрозы бедности и особенно проблему работающих

бедных. Занятые в рамках цифровых платформ занятости как правило не имеют доступа к системе социальной защиты, они не участвуют в общественных процессах трудового коллектива, не ощущают социальной включенности в трудовое сообщество, что не позволяет им решать проблемы в коллективе, действовать командно, во многом обедняя результаты их труда.

Цифровая экономика приводит к изменению мира сферы занятости, трудовых сообществ, результатов труда.

Цифровые платформы занятости являются отличительной и неотъемлемой частью цифровой экономики.

Цифровые платформы занятости можно классифицировать по двум категориям: мобильные и со стационарным рабочим местом.

На *мобильных цифровых платформах занятости* рабочие задания выполняются онлайн и/или удаленно работниками.

Эти задачи могут включать выполнение переводческих, юридических, финансовых и регистрационных услуг, услуг дизайна и программного обеспечения, фрилансера, решение сложного программирования или проблем с анализом данных, а также выполнение краткосрочных задач, таких как аннотирование изображения, модерация контента или расшифровка видео на микрозадачных платформах.

На *стационарных цифровых рабочих местах* задачи выполняются лично в определенных физических местах присутствия работников, и включают такие сферы занятости, как: такси, доставку и услуги на дому (в том числе ремонт и коммунальное обслуживание), работа по дому и обеспечение ухода.

Развитие цифровых платформ занятости – это дополнительные возможности обеспечения работников, в том числе женщин, людей с ограниченными возможностями, молодежи, определенных квалификационных категорий мигрантов.

Возможности, предоставляемые цифровыми платформами занятости сопряжены и с рядом трудностей регулирования и контроля, но вместе с тем позволяют ориентироваться и на новые направления развития занятости.

Трудовая миграция до пандемии COVID-19 являлась одним из самых массовых и значимых с точки зрения социально-экономических последствий видов миграции в глобальном мире. По оценкам МОМ в 2019 году численность трудящихся-мигрантов в мире составляла более 164 млн человек или около двух третей (64%) общей численности международных мигрантов (258 млн). Среди трудящихся-мигрантов преобладали мужчины на 17 млн человек: 96 млн мужчин (58%) и 68 млн женщин (42%). Большинство трудящихся-мигрантов – примерно 111 млн. (68%) – работали в странах с высоким уровнем дохода, 47 млн. (29%) – в странах со средним уровнем дохода. И только около 5,6 млн или 3,4% трудящихся-мигрантов работали в бедных странах. Доля трудящихся-мигрантов в общей численности рабочей силы в группах стран с низким и средним уровнем дохода была относительно низкой (около 3,3% и 2,2% соответственно), но в группе стран с высоким уровнем дохода – значительно выше – на 18,5%².

В мире остаётся востребованным низкоквалифицированный и квалифицированный труд мигрантов. Также нарастает конкуренция за высококвалифицированные ресурсы, поскольку высококвалифицированные кадры будут играть все более важную роль в развитии экономики, основанной на **цифровых знаниях**. Нехватка кадров в машиностроении, информационных технологиях, фармацевтике, здравоохранении и образовании заставляет страны строить свою миграционную политику как более привлекательную для высококвалифицированных категорий мигрантов. Трудовая миграция все больше превращается в **циркуляционную трудовую миграцию**. Трудящимся-мигрантам свойственна и **возвратная**

² World Migration Report 2020. IOM: Geneva. 2017. P. 33-34 [Электронный ресурс]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (дата обращения: 01.07.2021).

миграция, которая становится все более масштабной из-за финансово-экономических кризисов.

Таким образом, для современного мирового рынка труда в условиях постковидных и геополитических преобразований сформировался ряд выраженных новых тенденций воспроизводства трудовых ресурсов, а именно: усиление гендерного разрыва занятости, акцент на трудосберегающие преобразования в хозяйственной деятельности, усиление и трансформация процессов дуальности рынка труда, а также форм трудового неравенства, преобразование и специфическая роль временной занятости, формирование и развитие цифровых платформ занятости, развитие кластерных «провалов» рынка, возрастающая роль циркуляционной и возвратной трудовой миграции.

Национальный рынок труда. Рынок труда РФ, также описывается рядом сформировавшихся направлений, вызванных как внешними шоками, так и внутренними социально-экономическими изменениями.

Основные показатели оценки тенденций на рынке труда России за последние десять лет (с 2011 года) позволяют определить устойчивость наметившихся трендов, частичное сглаживание негативных тенденций, но вместе с тем формирование и новых направлений воспроизводства трудовых ресурсов, значимость которых еще предстоит оценить.

Трудовая миграция

Россия стала крупным центром притяжения трудящихся-мигрантов из ряда сопредельных стран в силу исторических, социокультурных и экономических причин.

По разным оценкам в России трудятся в среднем ежегодно от 2,5 до 3 млн мигрантов. Например, перед пандемией COVID-19 на 1 апреля 2020 года около 3,2 млн документированных трудовых мигрантов, главным образом из стран Центральной Азии, находились в России. Также около 1,9 млн undocumented трудовых мигрантов присутствовали в неформальном секторе экономики или не были оформлены должным образом.

Международная трудовая миграция для России остается важным потоком пополнения рынка труда, который не только покрывает временный дефицит в условиях нарастающего сокращения трудовых ресурсов, но и превращается во все более значимый феномен, имеющий социально-экономические, демографические, геополитические и социокультурные последствия для общества в целом.

Пандемия коронавируса, с одной стороны, вызвала отток трудовых мигрантов из России. По данным МВД число работающих в России трудовых мигрантов сократилось практически на четверть по сравнению с 2019 годом и составило около 1376 тыс. человек (вместо 1744 тыс. человек в 2019 году). Сокращение произошло по всем категориям работников. Мигрантов, имеющих патенты стало меньше на 21%, почти на 30% сократилось количество разрешений на работу (86 тыс. вместо 122 тыс. в 2019 году). Также на 26% снизилось число работающих в России граждан Евразийского экономического союза (333 тыс. человек в 2020 году вместо 450 тыс. человек в 2019 году)³.

В современных условиях высокие показатели уровня дополнительной потребности в работниках отмечаются в некоторых регионах России, где был наиболее высок в допандемийный период уровень присутствия ИРС (иностранной рабочей силы) – Москва и область, Краснодарский и Ставропольский края, Калининградская и Астраханская области. Практически все эти регионы вошли в группу с относительно высоким уровнем роста номинальной начисленной заработной платы, что подтверждает тесную взаимосвязь между дефицитом рабочей силы и ростом оплаты труда.

В результате выявлена тенденция усиления дифференциации регионов по степени влияния различных видов миграции на рынки труда за счет

³ Количество трудовых мигрантов в России уменьшилось за год почти на четверть // INTERFAX. 6 ноября 2020. [Электронный ресурс]
[URL:https://www.interfax.ru/russia/735806](https://www.interfax.ru/russia/735806) (дата обращения: 05.06.2021).

возрастающего притяжения внутренней трудовой миграции в столичные и нефтегазовые регионы. С другой стороны, в регионах с высокой безработицей (национальные автономии Северного Кавказа, Поволжья, Сибири) миграция не снижает нагрузку на рынок труда, а в ряде регионов даже ее увеличивает.

Усиление региональных диспропорций рынков труда лежит в русле общей негативной тенденции отставания депрессивных территорий от регионов-лидеров социально-экономического развития. Государство не регулирует должным образом отдельные виды миграции с учетом их влияния на рынок труда. Сложилась нерациональные встречные потоки внешней и внутренней трудовой миграции, их масштабы и направления не увязываются с балансовыми расчетами потребности экономики в трудовых ресурсах.

Современная ситуация на рынке труда как России, так и мира характеризуется устойчивым явлением **кластерных «провалов» рынка**, где миграционные потоки выступают компенсационным явлением частичного сглаживания складывающейся негативной ситуации, в то же время с учетом значимых негативных экстерналий миграционные потоки выполняют функцию усиления положительного общественного эффекта и трансформируют негативные экстерналии в формы положительного воздействия для рынков труда, но требуют более гибкого механизма государственного управления миграцией.

Внутренний рынок труда

С 2021 года начался процесс восстановления рынка труда РФ - постепенное снижение уровня безработицы, расширение занятости. Возросла деловая активность, увеличилась потребность экономики в дополнительной рабочей силе. Индекс промышленного производства в марте 2021 года составил по сравнению с мартом предыдущего года 101,1%. По данным государственной службы занятости дополнительная потребность в рабочей силе, заявленная работодателями, увеличилась в июне 2021 г. до

2190 тыс. человек против 1700-1800 тыс. в ноябре - феврале 2021 г., или на 21,7 - 28,8% больше.

Таблица 1. Отдельные индикаторы достойного труда

	доля занятости, % (Y)	молодежь, которая не работает и не учится 15-24 года, % (X1)	доля неформального сектора в общей занятости, % (X2)	производительность труда (темпы роста), (X3)	доля з/п в ВВП, % (X4)
2011	63,9	12,7	18,2	103,2	49,7
2012	64,9	12,0	19,0	103,8	43,9
2013	64,8	11,8	19,7	103,8	44,3
2014	65,4	12,1	20,2	102,8	46,3
2015	65,3	12,0	20,5	102,8	47,4
2016	65,7	12,4	21,2	98,7	47,8
2017	59,5	10,5	19,8	100,1	48,2
2018	59,8	10,2	20,1	102,1	47,8
2019	59,4	10,6	20,6	103,1	45,3
2020	58,4	10,9	20,0	102,6	46,3

Источник: составлено автором по материалам официальной статистики ФСГС

Отдельные индикаторы достойного труда, принятые для определения базовых характеристик развития сферы труда в разных странах, представленные для РФ за период 2011 – 2020 гг. (табл. 1), позволяют говорить о наметившихся тенденциях снижения трудовой волатильности, о стабилизации трендов, о сопряженности ситуации российского рынка труда мировым тенденциям.

Определяя линейные взаимосвязи панельных данных возможно уточнить наличие и значимых взаимовлияющих отдельных переменных (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительная статистика оценок множественной регрессии

	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	R ²	Radj	Fзнач	df
Y ₁	3,23*** (0,622)	0,64 (0,875)	0,001 (0,505)	-0,269 (0,386)	0,84	0,72	0,029	9

В таблице представлены β - коэффициенты и в скобках стандартные ошибки. Значимость коэффициентов представлены по оценкам p – value, при p – value < 0,001 - ***, p – value < 0,05 - **, p – value < 0,1 - *.

Оценки множественной регрессии свидетельствуют о существенной значимости влияния изменения численности молодежи, которая не работает и не учится на долю занятости в целом, причем в положительной корреляции, что подчеркивает факт замещения между категориями работников в возрасте до 25 лет и более старшей по возрасту рабочей силы.

С одной стороны подобная ситуация приводит к снижению социально-экономической нагрузки на рынке труда и росту занятости среди более старших возрастов, свидетельствует о высокой степени экономической активности работников старше 25 лет, с другой стороны наличие данной категории рабочей силы в возрасте 15-25 лет, которая не работает и не учится является фактором риска изменения качества рабочей силы в будущем.

В этой связи важно также обратиться к вопросам подготовки рабочей силы и тенденциям изменения спроса на профессиональное образование в рассматриваемый период (табл. 3).

Отмеченные тенденции позволяют говорить о наметившимся снижении количества тех, кто поступает на программы среднего профессионального образования и программы высшего образования. Велика также количественная вилка между поступившими на программы профессионального образования и выпустившимися из соответствующих образовательных учреждений, что особенно заметно для программ среднего профессионального образования.

Таблица 3. Отдельные индикаторы формирования рабочей силы

	Число студентов программ СПО (тыс. чел.)	Выпуск студентов программ СПО (тыс. чел.)	Число студентов по программам бакалавриата, магистратуры и специалитета (тыс. чел.)	Выпуск студентов по программам бакалавриата, магистратуры и специалитета (тыс. чел.)	Валовый коэффициент охвата образовательными программами СПО и ВО (к численности населения 15-34 года)
2000	4040	1342	4741	635	20,5
2010	3133	1153	7050	1468	23,8
2018	3006	700	4162	933	19,6
2019	3119	705	4068	909	19,9
2020	3336	695	4049	849	21,3

Источник: составлено автором по материалам официальной статистики ФСГС

Таблица 4. Корреляционные оценки основных индикаторов достойного труда

	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	X ₇	X ₈	X ₉	X ₁₀	X ₁₁	X ₁₂
X ₁	1											
X ₂	0,99	1										
X ₃	0,38	0,44	1									
X ₄	0,23	0,29	0,97	1								
X ₅	0,88	0,91	0,70	0,57	1							
X ₆	0,94	-0,96	0,63	0,48	0,98	1						
X ₇	-0,05	-0,12	-0,59	-0,49	-0,27	-0,25	1					
X ₈	0,01	-0,06	-0,60	-0,51	-0,21	-0,19	0,99	1				
X ₉	0,06	0,12	0,12	0,02	0,08	0,16	-0,53	-0,47	1			
X ₁₀	0,77	0,75	0,43	0,37	0,78	0,75	0,19	0,20	-0,36	1		
X ₁₁	-0,81	-0,85	-0,59	-0,40	-0,82	-0,88	0,57	0,52	-0,28	-0,50	1	
X ₁₂	-0,10	-0,11	0,35	0,40	0,08	-0,01	-0,09	-0,17	-0,50	0,29	0,03	1

X ₁	доля занятости, %
X ₂	доля занятых женщин, %
X ₃	уровень безработицы, %
X ₄	уровень безработицы (женщины), %
X ₅	молодежь, которая не работает и не учится 15-24 года, %
X ₆	молодежь, которая не работает и не учится 15-24 года (женщины), %
X ₇	доля неформального сектора в общей занятости, %
X ₈	доля неформального сектора в общей занятости (женщины), %
X ₉	производительность труда (темпы роста)
X ₁₀	темпы инфляции ИПЦ
X ₁₁	доля занятости в секторе услуг, %
X ₁₂	доля з/п в ВВП, %

В соответствии с представленными корреляционными оценками (табл. 4), отмечается высокая положительная корреляция между переменными «доля занятости» и «доля занятых женщин», а также «доля занятости» и «молодежь, которая не работает и не учится». В этой связи важно подчеркнуть высокую степень экономической активности среди трудовых ресурсов старше 25 лет, а также среди женщин и отметить тенденцию ее роста за последние 10 лет.

Практически отсутствие корреляционных связей отражает группа показателей «доля занятости» и «доля неформального сектора в общей занятости (женщины)», что подчеркивает тенденцию роста экономической активности женщин, стремящихся быть занятыми в формальном секторе экономики. Подобные социально-экономические настроения подтверждают стабилизацию рынка труда, усовершенствование механизма его функционирования, формирование устойчивых трудовых гарантий работникам, обеспечение гарантий труда, занятости и социальных условий, а

также в целом рост качества жизни трудовых ресурсов и в этой связи выбор рабочего места не по исключительно экономическим соображениям, а в соответствии с социально-экономической идентификацией себя в системе трудовых отношений.

По данным исследования подчеркивается высокая степень обратной корреляции между долей занятости женщин и молодежью (в гендерном распределении - женщин) которая не работает и не учится, что подтверждает социально-экономическую активность женщин всех возрастных групп и усиление их включенности в трудовые отношения.

Таблица 5. Отдельные индикаторы женского сегмента рынка труда

	доля занятых женщин, % (Y)	уровень безработицы (женщины), % (X ₁)	молодежь, которая не работает и не учится 15-24 года (женщины), % (X ₂)	доля неформального сектора в общей занятости (женщины), % (X ₃)
2011	59,2	6,0	15,1	16,8
2012	60,1	5,1	14,4	17,6
2013	59,8	5,2	14,4	18,2
2014	60,4	4,9	14,8	18,6
2015	60,1	5,3	14,5	18,7
2016	60,4	5,3	14,6	19,4
2017	52,8	5,0	12,0	18,0
2018	53,2	4,7	11,5	18,4
2019	52,9	4,4	12,0	18,9
2020	52,1	5,7	12,2	18,3

Источник: составлено автором по материалам официальной статистики ФСГС

Таблица 6. Сравнительная статистика оценок множественной регрессии (отдельные показатели женского сегмента рынка труда)

	X ₁	X ₂	X ₃	R ²	Radj	Fзнач	df
Y ₁	-0,268 (0,169)	-0,862 (0,515)	-0,286 (0,272)	0,53	0,29	0,185	9

В таблице представлены β - коэффициенты и в скобках стандартные ошибки. Значимость коэффициентов представлены по оценкам p – value, при p – value < 0,001 - ***, p – value < 0,05 - **, p – value < 0,1 - *.

Дополнительные корреляционные оценки женского сегмента рынка труда (табл. 5-6) позволяют ставить вопросы необходимости детерминации данного явления как социально-экономически обособленного, требующего дополнительного изучения, особенно в контексте общей социально-экономической стратегии развития современного российского общества, действующих национальных проектов в том числе и национального проекта «Демография», в соответствии с которым предполагается реализация шагов по укреплению здорового образа жизни и стимулированию рождаемости: формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, создание условий для занятий физической культурой и спортом, системную поддержку и повышение качества жизни граждан старшего поколения, финансовую поддержку семей при рождении детей, а также содействие занятости женщин⁴.

На современном этапе социально-экономического развития рынка труда России важно подчеркнуть ряд сформировавшихся новых тенденций воспроизводства трудовых ресурсов.

Основными направлениями стратегии развития процесса воспроизводства трудовых ресурсов России, отмеченными для современного социально-экономического и трудового пространства, являются следующие:

⁴ Официальный документ Национальный проект «Демография». URL// https://edu.gov.ru/project_activity/4/demography/

в целях сохранения и перспективного выполнения основных положений демографической политики необходимо обоснование, описание и формирование программ регулирования **женского сегмента рынка труда;**

усиление мер государственного регулирования рынка труда в части обеспечения российской экономики трудовыми ресурсами, преимущественно, направленных на формирование базовых условий для более свободного развития рыночного механизма;

усиление практического внедрения механизмов и инструментов регулирования функционирования рынка труда, что будет способствовать формированию более устойчивого базиса процесса воспроизводства трудовых ресурсов и позволит сглаживать определенные диспропорции на рынке труда;

разработка программы сохранения и создания новых рабочих мест на перспективу, с учетом демографических особенностей рабочей силы на предстоящий период, а также развития цифровых трудовых платформ;

формирование региональных рынков труда в части корректировки программ миграционной политики и мер по обеспечению сбалансированности спроса и предложения рабочей силы.

для более углубленного изучения внешней и внутренней трудовой миграции предлагается проводить регулярные выборочные статистические обследования домохозяйств для сбора информации о трудовых мигрантах и условиях использования их труда;

необходимы таргетивные механизмы воздействия на отдельные сегменты рынка труда с целью усиления сбалансированности рабочей силы, в том числе минимизации форм дестабилизации, вызванные структурной инфляцией;

применение превентивной политики выявления степени замещения труда национальных работников внешней иммиграцией с дополнительным определением качества рабочей силы, посредством инструментов оценки уровня квалификации работников, разработки критериев соответствия

рабочему месту, формирования программ мотивации внутренних трудовых ресурсов к росту качества рабочей силы, повышения уровня профессиональной подготовки, эффективности перераспределения рабочей силы на внутреннем рынке труда России;

особенный акцент необходимо сделать на трудовых ресурсах в возрастной группе 15-25 лет с целью их как профессиональной ориентации, так и образовательной мотивации;

в силу усиления тенденций занятости женщин необходимыми станут и меры дополнительных оценок демографических настроений и социально-экономических ожиданий женской части населения, а также семей с детьми, для сохранения демографической политики, направленной на демографический эффект и поддержку социально-экономического выбора женщин в отношении труда и занятости;

крайне важно поддерживать инициативы социального диалога для развития и обеспечения мероприятий восстановления человека в системе трудовых отношений, его возвращения в сферу труда, его обеспечение квалифицированным, безопасным и достойным трудом;

формирование программ целевого регулирования и поддержки отдельных отраслей экономики, так как в силу снижения экономической активности и как следствие оптимизации затрат организаций фиксируется сокращение занятости, преимущественно в отраслях, производящих товары и услуги с высокоэластичным потребительским спросом, а также в отраслях международного присутствия иностранных партнеров, где наметились процессы оттока трудовой миграции, увеличения скрытой безработицы (отпуска по инициативе администрации, временное сохранение занятости без осуществления производственной деятельности), снижение уровня трудового дохода;

формирование дополнительных программ управления монополиями, так как в современных условиях особенная сложность представляется в части социально-экономической поддержки градообразующих предприятий

(монопсоний) особенно тех, которые экспортно ориентированы, а их деятельность на текущий период сопряжена со снижением занятости и как следствие со снижением уровня жизни регионов в целом, с массовой безработицей, сокращением экономической и трудовой активности в сопутствующих отраслях и сферах деятельности региона (города);

важна работа на опережение для сохранения рабочих мест, создание импортозамещающих производств, государственное регулирование рынка труда, трансфертная и субсидиарная политика в отношении возникающей безработицы и крупных организаций (как например: субсидии занятости).

уточнение программ внутренней миграции, поскольку основные потоки «село – город» представленные как тенденции ранее сократятся, так как основная их причина как правило экономическая – занятость с возможностью получения большего дохода. В городах, региональных центрах общий уровень благосостояния определяется крупными бизнес-структурами, градообразующими предприятиями, межнациональными компаниями, деятельность которых на данный момент будет существенно сокращена, как следствие сопутствующие сектора, в том числе сектор услуг будет менее востребован, что приведет к сужению рыночного потенциала, росту региональной безработицы, сокращению спроса на рабочую силу, сокращению межрегиональных миграционных потоков.

Все представленные меры в комплексе со стандартными инструментами регулирования трудовых отношений как правило применимы в процессе выхода из кризисов, реальны при последовательной планомерной политике и при согласованности всех хозяйствующих субъектов.

Список источников

1. Аганбегян А.Г., Клепач А.Н., Порфирьев Б.Н., Узяков М.Н., Широков А.А. Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 18-26. DOI: [10.47711/0868-6351-183-18-26](https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26)

2. Бондаренко Н.Е. Российский рынок труда в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции: тенденции, вызовы и государственное регулирование // Инновации и инвестиции. 2020. №7. С. 63-70. ISSN: 2307-180X.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рынок и собственность: социально-экономические уроки пандемии // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 145-157. DOI:[10.31857/S013216250009711-5](https://doi.org/10.31857/S013216250009711-5).
4. Вишневская Н.Т., Зудина А.А., Массовое высвобождение работников: политика стран ОЭСР // МЭМО. 2020. №7. С. 17-25. DOI: [10.20542/0131-2227-2020-64-7-17-25](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-17-25).
5. Китрар Л.Л., Липкинд Т.М., Остапкович Г.В. Коронакризисные тенденции в европейской экономике: новые вызовы, риски, ожидания // Вопросы статистики. 2020. №5. С. 95-113. DOI: [10.34023/2313-6383-2020-27-5-95-113](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-95-113).
6. Мировая занятость и социальные перспективы - тенденции до 2021 года / МОТ. 2020. [Электронный ресурс]. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_767671.pdf.
Дата обращения: 13.08.2021.
7. Рязанцев С.В., Брагин А.Д., Рязанцев Н.С. Положения трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии Covid-19 и реакция правительств // Научное обозрение. 2020. №3. С.7-21. DOI: [10.26653/2076-4650-2020-3-01](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-01).
8. Четвериков В.М. Особенности и интенсивность распространения COVID-19 в Странах большой экономики // Вопросы статистики. 2020. №6. С. 86-104. DOI: [10.34023/2313-6383-2020-27-6-86-104](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-6-86-104).

References

1. Aganbegyan A.G., Klepach A.N., Porfiriev B.N., Uzyakov M.N., Shirov A.A. Post-pandemic recovery of the Russian economy and transition to sustainable socio-economic development // Problems of forecasting. 2020. No. 6. pp. 18-26. DOI: [10.47711/0868-6351-183-18-26](https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26)

2. Bondarenko N.E. The Russian labor market in the conditions of a pandemic of a new coronavirus infection: trends, challenges and state regulation // Innovations and investments. 2020. №7. С. 63-70. ISSN: 2307-180X.
3. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Market and property: socio-economic lessons of the pandemic // Sociological research. 2020. No. 8. С. 145-157. DOI:10.31857/S013216250009711-5.
4. Vishnevskaya N.T., Zudina A.A., Mass release of workers: the policy of OECD countries // MEMO. 2020. No.7. С. 17-25. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-17-25.
5. Kitrar L.L., Lipkind T.M., Ostapkovich G.V. Coronacrisis trends in the European economy: new challenges, risks, expectations // Questions of statistics. 2020. No.5. pp. 95-113. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-5-95-113.
6. World employment and social prospects - trends up to 2021 / ILO. 2020. [electronic resource]. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_767671.pdf. Date of appeal: 13.08.2021.
7. Ryazantsev S.V., Bragin A.D., Ryazantsev N.S. The situation of migrant workers in the regions of the world: the challenges of the Covid-19 pandemic and the reaction of governments // Scientific Review. 2020. No.3. pp.7-21. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-01.
8. Chetverikov V.M. Features and intensity of the spread of COVID-19 in large economies // Questions of statistics. 2020. No. 6. pp. 86-104. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-6-86-104.

Для цитирования: Гневашева А.А. Новые режимы воспроизводства и миграции трудовых ресурсов // Московский экономический журнал. 2022. № 8. URL: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-8-2022-30/>